

26 МАРТА 1961 г., № 73 (10277).

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНАМ СОЛНЦА

В конце прошлого года бурятский певец народный артист СССР Лхасаран Линховоин в составе группы советских артистов выехал на африканский континент. В Гвинее, Либерии, Гане, Того, Нигерии состоялись концертные выступления, дружеские встречи.

Это не первые гастроли бурятского певца. За последние годы Линховоин побывал в Германии, Чехословакии, Китае, Вьетнаме, Монголии. Но, разумеется, впечатления от поездки по африканским государствам — странам солнца — самые свежие.

Сегодня мы начинаем печатать путевые заметки Л. Линховоина.

Лучше хочется и жить и творить,
Коль свежим ветром обласкан.
Туризм для этого надо внедрить
Как можно шире в массы.

Африка — древняя родина негров, материк прекрасный и горестный. У берегов этого континента вверные лязгнули ржавые цепи кораблей, увозивших невольников в другие части света. Между отдельными государствами материка пролегли пространства пустынь, вершины гор и тропические джунгли.

Совсем еще недавно упоминание о древнем африканском континенте вызвало в памяти привычные картины: бич, обвившийся вокруг тела черного человека, корабли с невольниками, раб у ног «непобедимого владыки». Поэты — слагатели песен завершали свои поэмы традиционным рефреном: «О, скорбный голос Африки моей».

Теперь африканский континент связан в нашем сознании с иными образами. Негр, рвущий цепи, колонизатор, уносящий ноги от возмездия, картины народной радости, — это возрождение к жизни. Середина двадцатого века — это время освобождения африканского континента от колониального гнета.

И вот мы в Африке... Большая Гвинея, Либерия, Того, Дагомея, Нигерия, Мали. Семьдесят пять дней под знойным африканским солнцем, семьдесят пять дней незабываемых встреч. Ведь в некоторых из этих стран мы были первыми представителями Советского Союза. Встречали нас с радостью, я бы сказал, даже с восторгом.

Передо мною дневник гастрольных поездок. Первые впечатления записаны в Гвинейской республике.

Рано утром я отправился в киоск, чтобы купить свежую газету. Мне хотелось узнать, что творится на белом свете. Вот уже несколько недель я был в дороге. Последние новости о Родине узнал в Париже.

Не зная гвинейского языка, я воспользовался помощью переводчика.

— Газету нельзя купить, — объяснили мне.

— Неужели весь тираж раскупили?

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в Гвинее вообще нет газет. Нет также радио, телефона. У меня было такое впечатление, словно я совершил путешествие в глубь седых веков. Когда я, вернувшись домой, рассказал об этом жене, она не поверила.

— Может, ты перепутал, Лхасаран?

Моя жена впрямь была не поверить. Ну как может бурят, выросший в условиях социализма, представить себе страну без газет и радио. Никто уж теперь из моих земляков не помнит того времени, когда только 5 процентов населения Бурятии умели читать и писать. Сейчас Бурятия — республика сплошной грамотности. Выросли талантливые поэты, литераторы, композиторы, артисты и ученые. Теперь на каждые 10 тысяч человек у нас 80 студентов — это в два раза больше, чем в современной Франции, Италии, Западной Германии.

Веками гвинейцев угнетали иностранные колонизаторы. Еще с XV века португальцы начали проникать в Африку, за ними пришли французы, англичане, испанцы. Стали отбирать лучшие земли, обосновываться в устьях рек и на побережье, стали вывозить слоновую кость, красное, черное дерево, золото. Страшным периодом для африканских народов было

время, когда европейские купцы занялись работорговлей.

Гвинея стала французской колонией. Более 60 лет длилась страшная эксплуатация населения, хищническое ограбление и расхищение природных богатств. Знакомая с бытом и культурой народа республики, мы убедились, насколько сильно французские колонизаторы задержали развитие целого народа.

...Вот небольшая сценка, запечатлевшаяся в памяти. Я лежал на берегу Атлантического океана, смотрел как изумрудные волны ласкали берег, на котором раскинулась столица Гвинейской республики Конакри. В воздухе не привычные ароматы каких-то неизвестных мне цветов. Вдруг слышу мелодию популярной песни «Сели»:

«Слон, иди спокойно
Через лес.
Мы свободу обрели,
Наш Сели».

Мимо меня пробегают на пляж молодые гвинейки и гвинейцы. Юные, как сама республика, сбросившие с мускулистых плеч ярмо многовекового колониального гнета.

Вдруг слышу крик:
— Эй, что вы здесь купаетесь? Отойдите дальше. Сколько ни говори, ничего не понимают!

Кричала толстая француженка — хозяйка частного бара, кино и пляжа. Оказывается, чтобы искупаться в океане, нужно было заплатить 25 франков. Раньше весь берег находился в руках частных. Да и теперь еще кое-кто крепко держится за свои владения.

Когда хозяйка увидела в наших руках франки, она сразу подобрела:

— Не угодно ли чего-нибудь? Мы попросили попить. Она быстро засеменила, послала мужа за анаанасовым соком из холодильника. Когда разговорились, он рассказал, что 22 года назад приехал из Франции и сделал здесь хороший бизнес. Теперь времена плохие. Богатые французы, посещавшие его, забрали свои капиталы и уехали. Остались мелкие торговцы и спекулянты, которые приносят малый доход. Когда он узнал, что мы из Советского Союза, угодливо заулыбался и сказал: «Наш век кончился, теперь наступил другой век. Но мы здесь хорошо пожили».

Да! Вы пожили... Голод, нищета, неграмотность, болезни — вот что вы оставили, господа капиталисты, после своего господства в течение более шестидесяти лет. Страна была почти сплошь неграмотной, школы и больницы существовали для белых и богатых. Прокказа, тропическая лихорадка, сонная и другие болезни косили местное население.

28 сентября 1958 года Гвинея стала независимой республикой. Это было большим радостным событием не только для гвинейского, но и для всего свободолюбивого народа мира. Международный авторитет Гвиней укреплался с признанием ее Советским Союзом, Китайской Народной Республикой и всеми странами социалистического лагеря. Вслед за ними одна за другой стали признавать Гвинею капиталистические страны Европы и Америки. Гвинейская Республика принята в Организацию Объединенных Наций.

...Солнце пригревало все сильнее и мы стали искать приюта в тени пальм, росших на берегу. Группа молодежи, узнав, что мы из страны Советов, окружила нас. Они расспрашивали о нашей стране, о спутниках. А мы любовались их красотой. Наверное, это знойное солнце, соленые воды малахитовой Атлантики, нектарный воздух создали тебя, гвинеец, таким грациозно красивым. Ты словно

выточен из черного эбонита умелой рукой художника с глубокой страстной душой и жгучим темпераментом.

Наша беседа продолжалась. Один из юношей — звали его Мухамед — оказался членом гвинейской молодежной организации. Он рассказал:

— Колонизаторы всячески стремились задушить молодую республику. Они организовали экономическую блокаду и стремились дезорганизовать управление хозяйством. У нас был тяжелый период. Все французские специалисты уехали, своих не было. Все остановилось — прекратилась подача электричества, воды. Богатые французы увозили все возможное. А что были не в силах увезти — портили. Была прервана связь с соседними странами.

Но они ошиблись, нас не сломить. Нам сразу помогли наши друзья из молодых африканских стран, нас поддержал Советский Союз. Нам прислали тракторы, автомобили, необходимые товары. — При этих словах на лице у Мухамеда появилась теплая улыбка.

Потом молодежь пригласила нас искупаться. Мухамед стрелой полетел с крутого берега в океан — настгечу волнам.

— Он у нас чемпион по плаванию, — пояснила одна из наших собеседниц.

Качаясь на волнах, я унесся мыслями на родину. Хотелось полной грудью вдохнуть холодный свежий воздух, услышать родную речь, увидеть друзей... Я вспоминал отца, провожавшего меня в этот далекий путь. Снежные хлопья порхали и ложились на землю... Соседом по купе оказался профессор Кировского сельскохозяйственного института Виктор Александрович Наумов. Они с отцом быстро разговорились.

— Вы себе не представляете, как я удивлен, — говорил отцу старый профессор. — Я эти места немного знаю, красногвардейцем прошел от Урала до Иркутска вслед за отступавшим Колчаком. С одним товарищем бурятом мне как-то довелось зайти в степную юрту. Какая там царил нищета! Чай, заправленный жженой крупной, заменял все угощения. И вот, спустя 40 лет, я снова приехал в Бурятию. Какие дома, заводы, театры, больницы, ВУЗы, школы, колхозы! Как изменились люди!

Отец мой только улыбался восторгом своего собеседника. То, о чем рассказывал профессор, ему было давно не внове.

— Эй, эй! — закричал наш Мухамед, возвращая меня к действительности. Размахивая руками, он показывал в сторону океана. Оказывается, вблизи появились дельфины. Мы выбрались на берег и увидели интересное зрелище. В воде играли пять дельфинов. Они гонялись друг за другом, то приближались к берегу, то ныряли, приподнимая над водой свое многопудовое туловище.

Солнце все больше припекало. Дышать все труднее. Собираемся «домой», то есть в гостиницу, где стоят аппараты, конденсирующие воздух — наше спасение. Гвинейские товарищи проводили нас до гостиницы. Расстались мы, как хорошие друзья.

Нам довелось побывать и в других городах Гвиней: Пориари, Кинди, расположенных в различных частях страны, а также нескольких деревнях — Маму, Лабе, Пита. Всюду еще видны следы колониального владычества.

В Гвинее около двадцати народностей. По цвету кожи, по языку и по другим признакам они отличаются между собой. Каждая народность имеет своего вождя племени. До сих пор в деревнях люди жили большими семьями — родами. Во главе рода стоял старейшина, права которого были неограничены. Раздробленностью племен, темнотой местного населения пользовались колонизаторы, чтобы продлить свое владычество.

Правительство молодой Гвинейской Республики во главе с Секу Туре сейчас много усилий прилагает к тому, чтобы покончить с тяжелыми пережитками прошлого.

В тот день, когда произошла теплая встреча с молодыми гвинейцами, мы познакомились с ярким и самобытным искусством гвинейского народа. Об этом рассказ будет дальше.